

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

22

Москва 2012

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Редакционная коллегия:

Алексей Барабашев, Юрий Батулин, Ольга Волкогонова, Игорь Клямкин, Иван Курилла, Борис Ланин, Андрей Макарычев, Эмиль Паин

Редактор: Екатерина Алексеева

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: город Омск, торгово-выставочный комплекс «Каскад». Фото Виктора Топоркова. РОСФОТО

Адрес редакции:

119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275; 695-1168

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

К читателю

5

Интернет и общество

Андрей Девятков, Андрей Макарычев

Новые медиа и сетевая субъектность в России

7

Галина Никиторец-Такигава

О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте

13

Трудный путь к нации

Сергей Простаков

Россия и Украина: строительство наций на советском фундаменте

25

Эмиль Паин

Этнические конфликты в постимперской России

35

Ольга Малинова

Российская идентичность между идеями нации и цивилизации

48

Вызовы культурного разнообразия

Ульрих Бек

Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот

57

Обсуждение лекции Ульриха Бека на семинаре в Горбачев-Фонде

70

Научная жизнь

Иван Курилла

Кто боится учебника истории?

82

Календарь событий весны – лета 2012 года

84

Совет Товарищества выпускников Института Кеннана

87

Ольга Юрьевна Малинова,
доктор философских наук, главный
научный сотрудник ИНИОН РАН,
former Kennan Institute Short Term
Scholar

Российская идентичность между идеями нации и цивилизации

В политической картине мира, сложившейся в эпоху Модерна, доминирует норма, согласно которой государства «конституируются» нациями. Однако, несмотря на гибкость модели культурно-политического сообщества, заданной многовариантной идеей нации, во многих случаях в нее оказывается непросто вписаться. Именно так обстоит дело, когда процесс конструирования макрополитической идентичности происходит в постимперском контексте, который предполагает, с одной стороны, конкуренцию разных проектов «нациестроительства», а с другой – наличие политических и культурных ресурсов для конструирования искомой идентичности в наднациональной/цивилизационной системе координат. Стремясь к политической интеграции обширных пространств, империи с большим или меньшим успехом осуществляют универсалистские идеологические (религиозные и светские) проекты, закладывающие основу для культурной общности поверх этнических, конфессиональных и языковых границ. Это наследие активно используется для конструирования макрополитической идентичности в постимперском контексте, позволяя рассматривать ее сквозь призму не «национальных», но «цивилизационных» различий. Именно это характерно для современной России¹.

Сокращенный вариант главы из коллективной монографии: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.

¹ Яркой иллюстрацией существующей неопределенности относительно характера макрополитической идентичности сообщества, стоящего за современным Российским государством, может служить статья «Россия: нацио-

По-видимому, наличие долгой традиции конструирования идентичности «по смешанным лекалам» – один из многих факторов, затрудняющих выработку «общего языка» представлений и понятий, на основе которых мыслится макрополитическое сообщество, стоящее за Российским государством.

Переплетение разных оснований идентификации в представлениях о русскости/советскости/российскости считается одним из проявлений того, что многие исследователи определяют как слабость русского национализма² и «неоформленность» русского национального самосознания³. На наш взгляд, следовало бы говорить не столько о незавершенности «закономерного» процесса формирования национальной идентичности, сколько о неполном соответствии безусловно существующей (хотя и трансформирующейся) макрополитической идентичности матрице воображения общества, заданной идеей нации. Эта черта русской/советской/российской идентичности обусловлена целым комплексом исторических, социокультурных, экономических, географических и политических факторов. Не отрицая значимости других составляющих этого комплекса, мы сосредоточим внимание на особенностях дискурсивного конструирования макрополитической идентичности в Российской империи/СССР/Российской Федерации и попытаемся выявить диалектику ее

национальных и цивилизационных составляющих. Разделяя представление Бенедикта Андерсона, согласно которому «национальность (nation-ness)» и национализм следует рассматривать как особого рода культурные артефакты, которые «стали «модульными», пригодными к переносу... на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя, либо самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций»⁴, мы хотели бы проследить, как происходит освоение этих модульных конструкций в условиях конкуренции с иными способами воображения сообщества⁵.

Начнем с операциональных описаний рассматриваемых здесь способов воображения сообщества, которые помогут различать национальные и цивилизационные составляющие дискурсов о русской/российской/советской идентичности. К сожалению, в обширной литературе, посвященной изучению наций и цивилизаций, нет четких терминологических конвенций относительно значения данных понятий. Не углубляясь в анализ различных подходов, отметим, что воображение сообщества на основе цивилизационной общности связано с циклической историей религиозно-культурных и идеологических проектов, влияние которых удавалось распространить на значительные географические ареалы

нальный вопрос», опубликованная от имени В.В. Путина в рамках недавней президентской избирательной кампании, в которой искомая идентичность определяется одновременно и в цивилизационных («полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»), и в национальных терминах (преодоление смуты как «день рождения гражданской нации»; «государствообразующий русский народ» и др.) (Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января [http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html]).

² Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 12; Понарич Э.Д. Новый русский национализм: источники, механизмы распространения и сценарии развития // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 99–104 и др.

³ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001; Зевелев И. Будущее России: нация или цивилизация? Распад СССР и «русский вопрос» // Россия в глобальной политике. Т. 7. 2009. № 5. С. 92 и др.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 29.

⁵ Более полное изложение результатов этого анализа см.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. С. 332–354.

(как правило, параллельно с политическим контролем поддерживавших эти проекты и опиравшихся на них империй). Эта модель воображения сообщества предполагает наличие локально закрепленного ядра и потенциально безграничной периферии. В ее основе лежит принцип «сакральной вертикали», в силу которого сообщество, образующее ядро, представляется в качестве носителя особых идей и культурных практик, которые совпадают с «трансцендентным назначением» человечества. По словам Вадима Цымбурского, «эта сакральная вертикаль в глазах всех членов и приверженцев данной цивилизации делает из ее ядровых народов “основное человечество”, а из населенного ими ареала – “основную землю” ойкумены»⁶.

Цивилизационная идентичность задается именно причастностью к религиям, идеологиям, социальным практикам и культурным стилям, составляющим стержень «сакральной вертикали». Поскольку эта модель воображения сообщества предполагает асимметричность периферии и ядра, она не акцентирует однородность группы по контрасту с аутсайдерами (степень «цивилизованности» может варьироваться) и не настаивает на символическом равенстве ее членов. Хотя цивилизационная идентичность связана с определенным географическим ареалом и прочно ассоциируется с народами, образующими ядро цивилизации, ее пространственные и символические границы с Другими мыслятся не столь отчетливо, как в случае национальной идентичности. Поэтому цивилизационная идентичность более инклюзивна, допускает «двойную

лояльность» и легко надстраивается над другими идентичностями, имеющими пространственно-политическое измерение. Феномен цивилизации, несомненно, более древний, нежели описывающее его понятие, что создает дополнительные трудности для различения дискурсов о цивилизационной идентичности.

Вместе с тем в контексте современных процессов, связанных с глобализацией, трансформацией функций национальных государств и ростом миграции, цивилизационная идентичность приобретает новое качество, в том числе – становится предметом открытой идеологической артикуляции (наиболее яркий пример – известная концепция «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона). При этом, как справедливо подметил Виктор Шнирельман, «сдвиг от политики к культуре, наблюдаемый в современном мире, создает благоприятную почву для замены понятия “нация” на “цивилизацию”»⁷, что способствует частичному переносу смыслов, которые с ними связываются. Одним из механизмов такого переноса оказывается переопределение традиционной оппозиции: в качестве Другого выступает не «варварство», а другие «цивилизации», что придает данной модели воображения сообщества герметичность, характерную для идеи нации. Не случайно некоторые исследователи считают возможным говорить о «цивилизационном национализме»⁸.

Если воображение сообщества по модели цивилизации имеет древние корни, то идея нации – несомненно, «изобретение» эпохи Модерна. Что отличает ее от иных моделей вообра-

⁶ Цымбурский В.Л. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001 [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8373/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC].

⁷ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 85.

⁸ Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182; Паин Э., Верховский А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э.А. Паина; Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

жения сообщества? Во-первых, более четкая привязка к исторической территории, которая воспринимается членами сообщества как общая родина (хотя границы этой территории могут быть предметом спора). Во-вторых, представление о культурной однородности нации, опирающееся на общность языка, исторической памяти, культуры, религии и др. (хотя набор характеристик, на которые опираются разные национальные идентичности, варьируется); и одновременно – признание существенности различий между Нами и членами других сообществ, полагаемых нациями. В-третьих, стремление к развитию политико-правовой общности и экономического единства в рамках «собственного» государства и формированию на этой основе общей гражданской культуры. В-четвертых, представление о равной ответственности членов сообщества за «общую судьбу» и их равном праве участвовать в ее определении.

Все это создает основу для сильного чувства солидарности; по меткому замечанию Энтони Смита, у наций до сих пор не было серьезных конкурентов «в том, что касается эмоциональной привязанности и преданности большинства людей»⁹. Имеется обширная литература, доказывающая наличие тесных связей между возникновением и утверждением идеи нации и развитием современного государства (nation-state) с присущими ему институтами и функциями.

Вместе с тем эта идея действительно оказалась «модульной» и пригодной к переносу: по мере утверждения националистической картины мира заданное ею «лекало» с большим или меньшим успехом пытались прилагать и к сообществам, связанным с иными типами политий, в частности к династическим империям¹⁰.

Несмотря на несомненное сходство моделей, по которым воображаются цивилизации и нации (особенно с учетом того, что в современных обществах технологии конструирования и мобилизации соответствующих идентичностей во многом аналогичны), между ними имеются и значительные различия. И это обстоятельство делает актуальным тщательное изучение практики их использования в конкретных контекстах.

Русская общественная мысль подошла к осмыслению идеи нации почти синхронно с европейской (по оценке некоторых исследователей – уже с конца XVIII века¹¹), причем вплоть до 1880-х годов центральное место в комплексе проблем, в процессе осмысления которых формировался *дискурс о нации*¹², играл вопрос о сохранении национальной «самобытности» в ситуации «догоняющей модернизации». Исторически, по крайней мере с XVIII века, «Европа», «Запад» были значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская/российская/советская идентичность. Разумеется, в этой роли выступала *не только* Европа; однако данная

⁹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 356.

¹⁰ Как хорошо показал А. Миллер, тот факт, что Россия была империей, не исключал воображения «стоящего за ней» сообщества по модели нации; имперская и национальная идентичности не только конкурировали друг с другом, но и дополняли друг друга (Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010).

¹¹ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 566–576; Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mas.) etc.: Harvard University Press, 1992. P. 191–215.

¹² Вслед за М. Кеннеди и Р. Суни под этим термином будем понимать «язык», или систему представлений, в которой, собственно, и оказываются возможны нации: Kennedy M.D., Suny R.G. Introduction // Intellectuals and the Articulation of Nation / ed. by R.G. Suny and M.D. Kennedy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 3. Участниками этого «универсального дискурса» являются не только идеологи национализма, но все, кто мыслит категориями нации, национальной идентичности, национальных интересов и т. д., определяя и переопределяя их.

оппозиция была чрезвычайно устойчивой и важной. Отчасти это было связано с относительной неактуальностью иных «националистических» вызовов: соперничающие модели идентичности конструировались в уже существующем государстве, которое безусловно полагалось русским. Даже в 1880-х годах национальный вопрос в России, по определению Владимира Соловьева, был «вопросом не о существовании, а о достойном существовании»¹³. В силу этого тема *национальной автономии* – один из трех основных лейтмотивов национализма, выделенных Энтони Смитом¹⁴, – вплоть до конца XIX века не была значимой для конструирования русской идентичности. Лишь в начале XX века она была поставлена в общественную повестку в форме лозунга «Россия для русских». В середине XIX века стержнем формировавшегося дискурса о нации оказалась проблема национальной идентичности, которая интерпретировалась в смысле обретения «самобытности» и преодоления «подражательности» по отношению к культуре Запада. Значимую роль играл и лейтмотив *национального единства*, который долгое время связывался не столько с этнокультурным и конфессиональным плюрализмом Российской империи, сколько с преодолением социокультурного раскола между образованным «обществом» и «народом». Последний стал предметом литературных споров еще в 1820–1830-х годах, а в 1840-х годах усилиями славянофилов оказался возведен в ранг ключевой общественной проблемы.

С точки зрения конструирования сообщества, вписываемого в существующее Российское государство, дискурс о коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу имел одно важное преимущество: его участники, как правило, оставляли за скобками

этнический плюрализм империи, представляя *Нас* культурно однородным сообществом (русским, православным, оформленным «исторической» государственностью Московской Руси и петербургской России). Это полностью соответствовало стратегии, характерной для воображения сообщества по модели нации, позволяя выносить за скобки внутренние различия и одновременно подчеркивать фундаментальность *наших* отличий от *Других*. Те, кто, следуя утверждавшейся националистической картине мира, стремился представить Россию как «нацию» в ряду иных европейских наций, делали это, опираясь на репертуар смыслов, складывавшийся в рамках «межцивилизационного» сравнения.

Однако конструирование коллективной идентичности через соотнесение с Европой/Западом не означало, что она воображалась по цивилизационной модели: хотя такой подход к ее определению и был предложен в работах Николая Данилевского и отчасти Константина Леонтьева, в то время он разделялся немногими. Главной причиной тому было отсутствие «готового» набора особых идей и культурных практик, которые могли бы рассматриваться в качестве основания «сакральной вертикали», очевидно альтернативной западноевропейской/христианской цивилизации, которая в то время еще воспринималась в качестве «цивилизации в единственном числе». И лишь изменения ментальных карт, связанные с Октябрьской революцией и послевоенным кризисом в Европе, создали некоторые предпосылки для более убедительного переопределения коллективной идентичности по цивилизационной модели.

Вопрос о критериях принадлежности к сообществу, полагаемому нацией, безусловно, дискутировался и в XIX веке. Однако отчетливое противостояние

¹³ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 260.

¹⁴ По мысли Э. Смита, «три лейтмотива можно обнаружить в любой разновидности национализма: идеалы национальной автономии, национального единства и национальной идентичности» (Смит Э. Указ. соч. С. 343).

различных подходов к нациестроительству – на основе «включающего» принципа лояльности уже существующему Российскому государству и причастности к русской культуре (что, как правило, сопровождалось утверждением о необходимости тем или иным образом менять характер существующих внутри сообщества связей) или же «исключающего» принципа русскости, связанного с акцентированием этнических или этноконфессиональных характеристик, – оформилось лишь на рубеже XIX–XX веков. При этом многие участники дискуссии о строительстве нации в России прекрасно сознавали риски, связанные с резким противопоставлением имперской и национальной идентичности. Это создавало дополнительные стимулы для конструирования коллективной идентичности «по смешанным лекалам», без различения ее национальных и цивилизационных составляющих. В соперничавших определениях русской идентичности переплетались рассуждения об этнокультурных, религиозных, национальных и прочих сходствах и различиях.

К началу XX века возникли предпосылки для более отчетливой дифференциации рассматриваемых нами способов воображения сообщества: главной темой общественных дискуссий стал именно «национальный вопрос», споры об отношении России к Европе отошли на второй план¹⁵. Конкуренция разных проектов нациестроительства осложнялась динамикой мирового интеллектуального контекста: на смену национализму «либеральной эры» с его романтическими и объединительными устремлениями в последней четверти XIX века пришел этнонационализм, связывавший идею нации с культурной и языковой общностью¹⁶. Это делало принцип совпадения границ

нации и государства источником угроз для этнически разнородных политий, в которых идея нации не успела или не смогла утвердиться в индифферентном к этническим различиям «гражданском» варианте. Именно так дело обстояло в России. В условиях системного кризиса, вызванного Первой мировой войной, острая конкуренция разных проектов нациестроительства оказалась одним из факторов распада государства.

События октября 1917 года принципиально трансформировали систему координат, в которой конструировалась макрополитическая идентичность. В 1920-х годах предпринималось множество попыток заново решить старую проблему «цивилизационной идентичности» России. Поле для экспериментов стали и официальный партийный дискурс большевиков, и оппозиционные ему дискурсы русской эмиграции¹⁷. Так, весьма революционную модель коллективной идентичности, ориентированную на цивилизационную матрицу, предложили евразийцы – причем это было сделано в годы, когда политическая карта Европы с энтузиазмом (хотя и весьма избирательно) перекраивалась под лозунгом «национального самоопределения».

Однако и модель, которая методом проб и ошибок формировалась в эти годы в Советской России, тоже была попыткой решения «национального вопроса» в логике, напоминавшей цивилизационную матрицу. Хотя после прихода к власти большевиков указанный вопрос был поставлен с радикализмом, не знавшим аналогов, в дальнейшем большая часть утраченных территорий оказалась реинтегрирована в рамках нового политического образования – СССР. Его идеология причудливо сочетала специфический

¹⁵ См.: Малинова О.Ю. Первая мировая война и переопределение «Запада» // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН, Центр россиеведения. Гл. ред. И.И. Глебова. М., 2009. Вып. 1. С. 205–233.

¹⁶ Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 101–130.

¹⁷ Подробнее см.: Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. Гл. 2.

вариант национализма (формальную приверженность идее «самоопределения», вылившуюся в политизацию этничности) и универалистскую идею классовой борьбы, которая на протяжении XX века доказала свой потенциал в качестве мировоззренческого основания светской «сакральной вертикали». Формула «советской народ» как «новая историческая общность» совмещала две модели воображения сообщества, в рамках которого особым образом понимаемая идея нации интегрирована в матрицу цивилизационной идентичности и подчинена другой фундаментальной категоризирующей идее – идее класса. Таким образом, представления о советской идентичности также строились на основе «смешанных лекал», хотя и нового идеологического образца.

Распад СССР еще раз изменил систему координат, поставив бывшие советские республики перед необходимостью переопределения идентичностей «стоявших за ними» сообществ. В постсоветском контексте, казалось бы, появились новые возможности для конструирования макрополитической идентичности по модели нации. Однако задача переопределения коллективной идентичности отягощается бременем советского наследия. С одной стороны, приходится считаться с практикой отождествления национальности и этничности, закрепленной не только в языке, но и в институтах (в частности, в территориально-политической структуре государства). Отражением неготовности политической элиты к радикальному изменению данной практики стала конституционная формула «многонациональный народ РФ», позволяющая интерпретировать макрополитическое сообщество, стоящее за Российским государством, и как гражданскую *нацию*, и как *наднацио-*

нальную общность. С другой стороны, наличие тесной семантической связи между русским/российским и советским накладывает отпечаток на современную политику идентичности. Это проявляется и в нескончаемых спорах об основаниях макрополитической идентичности (один из аргументов против формулы «российская нация» – негативные коннотации с понятием «советский народ»), и в неопределенности географических и социокультурных границ сообщества (соблазн реинтеграции постсоветского пространства), и в вопросе о ценностном наполнении понятия *Мы* (проблемы исторической памяти, трудности дифференциации «российского» и «советского» как источник «ценностной неопределенности российской политики»¹⁸). Переопределение макрополитической идентичности по модели нации требует целенаправленной политики, опирающейся на серию ценностных выборов, сделать которые (пока?) не удастся.

Политическая элита предпочитает прагматически балансировать между идеями нации и цивилизации. На преимущества такого подхода указывают и некоторые исследователи¹⁹. Однако неготовность определяться с выбором «лекала» не снимает риски, связанные с конфликтогенным потенциалом каждой из моделей.

Воображение сообщества по цивилизационному варианту оказывается возможным благодаря культурному и институциональному наследию двух империй. Данная модель отличается гибкостью, способностью надстраиваться над другими идентичностями, конгруэнтностью вертикальным иерархическим конструкциям (возможностью конструирования сообщества по принципу «центра» и «периферии»), поддерживает претензию

¹⁸ Кастэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. С. 125.

¹⁹ Зевелев И. Указ. соч. С. 92–93; Липкин А.И. К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России // Полис. 2008. № 6. С. 113–114 и др.

на статус великой державы – все это с точки зрения реализуемого правящей элитой консервативного сценария должно считаться преимуществами. Но в современном российском контексте цивилизационная модель сталкивается с двумя большими проблемами. *Во-первых*, отсутствует стержень такого рода конструкции – «сакральная вертикаль» особых идей и культурных практик, которую можно было бы представить в качестве отражения «трансцендентного назначения человечества». Попытки заменить требуемую *универсальную идеологию* ссылками на самобытный и «*уникальный* исторический опыт» дружбы народов и прочее (а) явно не отвечают масштабу задачи, (б) отсылают к «непредсказуемому прошлому», серьезная работа по переосмыслению которого упорно откладывается. *Во-вторых*, в современном контексте воображение сообщества по модели цивилизации не исключает рисков, связанных с необходимостью фиксации символических и пространственных границ сообщества: в качестве конституирующего Другого приходится рассматривать не «варварство», а другие «цивилизации». В силу этого оборотной стороной цивилизационной модели в российском контексте является антизападничество. Отсутствие адекватной данной модели «стержневой» идеологии также является фактором, повышающим смысловую нагрузку воображения *Нас* по контрасту со значимым Другим в конструировании коллективной идентичности.

Роль антизападничества в современной российской политике идентичности неоднозначна. С одной стороны, оно успешно используется правящими элитами для мобилизации солидарности. Как было показано выше, конструирование русской/советской/российской идентичности через сопоставление с Европой/Западом всегда позволяло «оставлять за скобками» этнокультурный и конфессиональный плюрализм. Наследие холодной войны стимулирует алармизм в отношении традицион-

ного значимого Другого, облегчая мобилизацию солидарности перед лицом коварного врага. И это нередко используется для сглаживания внутренних конфликтов. С другой стороны, педализация антизападничества поддерживает имидж России как «великой державы», противостоящей старому грозному врагу. Однако чрезмерное увлечение риторикой такого рода чревато эскалацией конфронтации, к которой наша страна едва ли в действительности готова и которая едва ли соответствует ее национальным интересам и в частности – заявленным целям модернизации. К сожалению, попытки правящей элиты соблюдать баланс между антизападнической риторикой и прагматической установкой на сотрудничество не добавляют российской внешней политике устойчивости.

Вместе с тем и с воображением макрополитического сообщества в качестве нации тоже возникают проблемы: наличие множества соперничающих проектов нациестроительства; отсутствие твердого консенсуса относительно географических и символических границ сообщества, полагаемого нацией, равно как и относительно критериев членства в нем; недостаток механизмов воспроизводства «конституционного патриотизма», обусловленный слабостью политических институтов и гражданского общества; наконец, неопределенность по ключевому вопросу – надо ли вообще стремиться к формированию нации. Такое количество нерешенных проблем делает каждый шаг на пути конструирования сообщества по модели нации источником острых разногласий. Предпочитая избегать прямой артикуляции конфликтов, в 2000-х годах правящая элита активно использовала технологию эклектического совмещения в официальной риторике элементов противоположных дискурсов при одновременной маргинализации наиболее неудобных позиций. Конфигурация политического пространства, сложившаяся в результате политических реформ 2000-х годов, делала такую

технологии достаточно эффективной, однако сдвиги, связанные с массовым распространением новых коммуникационных технологий, несколько изменили ситуацию²⁰.

Следует признать, что стремление современного политического класса к ситуативному использованию репертуаров национальной и цивилизационной идентичности – это следствие не только неизбежной инерции по меньшей мере двухвекового опыта конструирования макрополитической

идентичности по «смешанным лекалам», который нельзя отринуть в одночасье, но и неготовности принимать риски, связанные с выработкой более последовательного курса нациестроительства. Результатом является гибридная модель «национально-цивилизационного сообщества», которая в логике доминирующей политической картины мира остается уязвимой для конкуренции со стороны альтернативных проектов, опирающихся на идею нации.

²⁰ Идеино-символическое пространство... С. 274–283.

Olga Malinova

Russian Identity: Between the Concepts of Nation and Civilization

A post-imperial context implies competition between different “nation building” projects on the one hand and, on the other, the existence of several political and cultural resources for constructing a macro-political identity within a supranational/civilizational framework. The author considers the specific features of a discursive construction of macro-political identity in the Russian Empire/USSR/Russian Federation and reveals the dialectics of its national and civilizational components.

Ulrich Beck

Living in and Coping with a Global-Risk Society: The Cosmopolitan Turn

The article is based on a lecture the author delivered at a seminar that took place at the Gorbachev Foundation within the framework of the joint program of the Gorbachev Foundation and the Kennan Institute: “Challenges of Cultural Diversity in the Globalized World”.

Professor Beck criticizes the methodological nationalism that views the world through the prism of nation-states, and declares the need for a “cosmopolitan turn” in sociological and political theory and research that will better serve contemporary society as it faces increased, and sometimes unanticipated, global risk. According to Beck, it would be an understatement to say that European sociology and sociology in general needs to understand the modernization of other societies for additional reasons, in order to complete its worldview. Rather, he believes Europeans can understand themselves only if they ‘deprovincialize’ – in other words, if they learn to see through the eyes of others as a matter of sociological method.

Follow-up discussion of Ulrich Beck’s lecture delivered at the “Challenges of Cultural Diversity in the Globalized World” seminar at the Gorbachev Foundation

The lecture was followed by a discussion in which a number of prominent Russian scholars and experts participated. Emil Pain pondered the limits of use of the term “cosmopolitanism” in relation to the political situation in contemporary Russia. Fedor Lukianov, while admitting the importance of the concept of “cosmopolitan Realpolitik” proposed by the author, drew attention to the uncertainty that exists as to who is the actor of this policy. Echoing Professor Beck, Vladimir Malakhov reflected on the possibilities for overcoming methodological nationalism. Vadim Mezhuev wondered whether a phenomenon such as methodological cosmopolitanism could exist beyond Western civilization.